

УДК 94+373

DOI: 10.17223/19988613/47/3

Л.В. Архангельская

ЖЕНСКОЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛАХ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Акцентируется внимание на деятельности духовенства по распространению грамотности среди женского населения Пермской губернии во второй половине XIX – начала XX в. Рассматриваются основные типы учебных заведений, относящиеся к ведомству православного вероисповедания и их развитие в данном регионе. Делается вывод, что, несмотря на меры, принимаемые для привлечения девочек в церковные школы губернии, их количество в данных школах было незначительным.

Ключевые слова: женское образование; Пермская губерния; церковно-приходские школы; ученицы; начальные училища Духовного ведомства.

К начальным школам, куда со второй половины XIX в. был открыт доступ представительницам женского пола, относились школы, принадлежавшие духовному ведомству: церковно-приходские, воскресные и школы грамоты. Отношение общества к данным видам учебных заведений было неоднозначным на протяжении всего периода их существования. Открывающиеся с целью не столько обучения, сколько религиозного воспитания детей, «существующих среди скудной крестьянской среды и грубой обстановки» [1. С. 16–17], церковные школы встречали недовольство со стороны прогрессивной интеллигенции [2, 3].

На *Первом Всероссийском съезде по образованию женщин* было прямо заявлено, что «церковные школы – это стена, которая стала на пути народа к просвещению, и для того, чтобы народ стал просвещенным, необходимо ее разрушить» [4. С. 9]. Неудивительно, что эту же линию продолжила советская историография, безоговорочно выносящая церковным школам обвинительные приговоры [5, 6]. Современными авторами даются объективные оценки вклада православной церкви в начальное дореволюционное образование и роли церковных школ в системе просвещения [7–9]. В русле рассматриваемой проблемы заслуживают внимания диссертации, посвященные женскому образованию в России, где обращается внимание на данный тип школ [10, 11]. Обучение в школах духовного ведомства Пермской губернии без выделения гендерной составляющей рассматриваются в работах уральских исследователей А.В. Мангиловой, А.М. Сафроновой, У.С. Ефремовой [12–14]. Данная статья призвана восполнить этот пробел, взяв для иллюстрации Пермскую губернию как регион, в котором начальному образованию уделялось большое внимание общественности.

Становление школ духовного ведомства принято рассматривать начиная с издания *Правил о Церковно-приходских школах 1884 г.*, которые не только «не составляли какого-либо нового изобретения, а до 60-х гг. считались десятками тысяч и были уничтожены в угоду “народникам”» [15. С. 525–526]. Если к 1864 г. их

насчитывалось 22 305 с 427 165 учащимися, то ко времени опубликования *Правил* количество школ и учеников резко уменьшилось (в 5 и 4 раза соответственно) [16. С. 52]. В Пермской губернии, по данным директора народных училищ, к 1860 г. при православных и единоверческих церквях действовало 128 училищ, в которых обучались 1 495 представителей мужского и 510 – женского пола [17. С. 256]. И хотя в эти годы духовенство продолжает участвовать в создании новых школ, не все они относятся к ведомству православного вероисповедания. Например, Верхне-муллинская женская школа Пермского уезда (популярная среди местного населения благодаря неформальному подходу к процессу обучения), открытая как церковно-приходская, была принята в ведение пермской дирекции народных училищ [18. С. 604–608]. Ко времени разделения сфер влияния духовенства и светской власти в области народного образования при 20 монастырских и церковных школах остались только 212 девочек и 409 мальчиков [19. С. 92].

Возрождение церковно-приходских школ было связано с попытками правительства противостоять революционной пропаганде и «губительному процессу явного упадка среди православного народа благочестивых обычаев страны, добрых семейных ценностей и верностей уставам святой матери нашей церкви» [20. С. 291]. Надежды на обуздание этого процесса Св. Синод стал связывать с обучением девочек, которому решил придать «в высшей степени серьезное значение». «Дети-девочки – будущие матери семейств, и на них церковноприходская школа может вполне рассчитывать как на своих верных помощниц и союзниц в деле поддержания в народе нравственности и укрепления истин православной церкви», – писал журнал «Русская школа» [21. С. 343]. «На грамотности женщины-матери основывается образование народа; обучить и воспитать девочек – значит образовать школу в каждой семье; грамотная мать не допустит, чтобы ее дочь была неграмотною и не ученою», – аналогично отзывалась пермская церковная пресса [22. С. 333].

Причины для беспокойства за женскую грамотность у духовенства были более чем серьезные. Несмотря на значительное число открывающихся школ, уральские священники не могли не замечать «умственного убожества паствы» и отмечали, что в деле распространения грамотности «до сих пор мы стоим ниже многих иноверцев, особенно в отношении обучения женского пола» [22. С. 329–330]. За 10 лет, прошедших после издания *Правил*, из всего количества православных девочек школьного возраста (около 5 млн) в 12 970 церковных школах обучались 150 364 человек, или 17,4% от общего количества учащихся. В школах других ведомств обучались до 350 000 человек, т.е. 90% девочек в стране продолжали оставаться без обучения [23. С. 510]. Судя по статистическим данным, процент учащихся девочек в Пермской губернии был примерно такой же (18,4%) [24. С. 368–369]. Такое соотношение количества учащихся в пользу мальчиков было характерно для всех начальных школ страны. По этому поводу С.А. Рачинский, чьи сельские школы служили образцом для начальных церковных школ, писал: «При первом же взгляде на всякую нашу школу, в ней поражает отсутствие или малое количество девочек. Ясно, что наша школа делает лишь половину своего дела, а что другая, быть может, самая важная половина ускользает от нее. Отсутствие девочек объясняется теми же внешними условиями, которые затрудняют помещение в школу мальчиков. Девочки встречаются только из самых ближайших деревень. Никакого общего предубеждения против обучения девочек у крестьян не существует. Там, где возможно прилично устроить их в школе, их охотно отдают в учение» [25. С. 10].

Наибольшее количество девочек в школах духовного ведомства насчитывалось в церковно-приходских *смешанных одноклассных*. Если в подобных городских школах их число было сопоставимо с числом мальчиков, то в сельских мальчики преобладали. Подобный «перекос» в гендерном отношении наблюдался во всех сельских приходах Пермской губернии, что «являлось лишь отражением общего взгляда деревни на образование женщины как на роскошь, без которой женщина может и обойтись» [26. С. 107].

Существенным препятствием для девочек в смешанных школах всех ведомств являлись возрастные ограничения: им разрешалось учиться строго до 12 лет. «Это запрещение равняется как безусловное исключение девочек из школы, – указывал С.А. Рачинский. – Сообщить действительную грамотность крестьянке наша школа может только при явном нарушении закона. Поместить 8–9-летнюю девочку почти невозможно в школу, так как нет общежитий при них, а довести девочку до полной грамотности, поступающую в 10, 11 лет – запрещено» [25. С. 10–11]. Ограничение в возрасте для девочек при совместном обучении с мальчиками происходило, по словам того же педагога, от «пугливости министерства, которое ошибочно судит о последних по гимназистам и кадетам их возраста. <...>

Мальчики и девочки, проводящие в деревне без всякого надзора и без всякого вреда всю свою жизнь вместе, не повредят друг другу и в школе». Зато «заметное преимущество в развитии и ширине умственного кругозора на стороне мальчиков, перерастающее в весьма сильное неравенство между взрослыми крестьянами и крестьянками», могло сгладиться в детстве совместным обучением в школе. «Не полезно ли для самих мальчиков с раннего детства убедиться в том, что их сестры, их будущие жены не уступают им в умственных способностях?» – задавался вопросом Рачинский [Там же. С. 17–18].

Чтобы изменить данное положение, чрезвычайное собрание синодального училищного совета в 1898 г., признав «обучение женщины могучим средством для поднятия религиозно-нравственного уровня и распространения грамотности в народе», предложило епархиальным училищным советам следующие средства для привлечения девочек в школы: «1) усилить заботы об открытии отдельных церковно-приходских школ для девочек; 2) возложить на законоучителей женских школ обращать особое внимание при преподавании на святых жен и на черты семейственности в жизни святых; 3) учебное дело поручать учительницам, а не учителям; 4) сделать в школах обязательным обучение рукоделию по программе, вырабатываемой местным епархиальным училищным советом» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 394. Л. 1].

Подобная обеспокоенность духовного ведомства женским образованием стала восприниматься в обществе как уступка Министерства народного просвещения, чьи школы – земские и особенно министерские – отдавали предпочтение мальчикам [21. С. 343; 28. С. 71]. Епархиальные училищные советы Пермской губернии также призывали местное духовенство обращать внимание на открытие и увеличение женских школ с тем, чтобы школам этим оказалось предпочтение перед мужскими, открытие которых могло бы принять на себя земство: «Несмотря на незначительное число женских школ, не подлежит никакому сомнению польза, какую они могут оказать русскому народу в поднятии его религиозно-нравственной жизни. Для того же, чтобы еще больше расположить население к таким школам, было бы желательно ввести в этих школах курс рукоделия и огородничества. И просить родителей словом убеждения не отрывать детей от школьных занятий», – писали Пермские епархиальные ведомости [29. С. 157].

Уроки рукоделия, до этого времени проводившиеся только в немногих церковно-приходских школах, теперь стали вводиться в большинстве церковных школ. Часто учительницы или жены священнослужителей преподавали рукоделие бесплатно, по окончании всех уроков. Девочек обучали изготовлению чулок, детской обуви, ковриков, рукавичек, вязанию кружев, шитью платья, постельного белья, вышивке по канве и даже переплетному мастерству. Материалы для рукоделия

покупались на церковные средства или на средства школьных попечителей. Изготовленные ученицами вещи, как правило, продавались, а вырученные деньги шли на покупку нового материала. Эта мера по привлечению девочек оказалась весьма действенной, так как, по наблюдениям уездных инспекторов, родители с большим желанием отдавали своих дочерей в школы, где велись подобные уроки [30. С. 588].

Не всегда предложения Синода встречали поддержку у местного населения. Так, Пермский епархиальный училищный совет в 1899 г. постановил открыть в виде опыта женскую одноклассную церковно-приходскую школу в селе Цидва Чердынского уезда, где земское смешанное училище было переполнено учащимися (более 100 человек). Но в данном населенном пункте женская школа так и не была открыта из-за того, что цидвинское общество отказывалось дать для нее помещение [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 349. Л. 1]. Кроме того, к 1905 г. в земледельческих уездах губернии, таких как Ирбитский, Камышловский, Шадринский, продолжали существовать только смешанные школы (и земские, и церковные), отчего число девочек в них было ничтожно мало, что особенно замечалось в раскольнических селениях. Проводящий инспекцию школ епископ Екатеринбургский и Ирбитский Владимир был крайне недоволен, что ближайшим школьным начальством не обращалось внимания на этот недостаток [31. С. 113].

Успешнее развивались женские школы, открытые по инициативе частных лиц или церковных попечителей. Иллюстрацией этому может служить Кунгурская Успенская школа, которую построила и содержала вдова почетного гражданина города Анна Ивановна Кузнецова, проживающая в Москве [32. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14. Л. 63]. Первоначально открытое как школа грамоты на 30–40 человек, учебное заведение приняло в первый год только 12 учениц. Первой учительницей с жалованием 15 руб. в месяц была назначена дочь местного казначея, окончившая Екатеринбургскую женскую гимназию. Через два года, в 1901 г., учениц стало больше 60, и школа грамоты преобразуется в одноклассную церковно-приходскую с рукодельным отделением [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 343. Л. 13, 16]. Она помещалась в отдельном двухэтажном здании, состоящем из учительской, библиотеки, чайной для учениц, комнат учительницы и помощницы, и была достаточно обеспечена классной мебелью, школьными принадлежностями и учебниками, которые выдавались девочкам на 3 года [Там же. Д. 324. Л. 4, 23]. На содержание школы выделялось до 2 500 руб. в год, деньги выдавались также на устройство праздников и награды учительницам к Пасхе и Новому году. В 1910 г., после включения в школьную сеть, школа стала получать еще и пособие для учителей от казны в размере 1 170 руб. [Там же. Л. 78 об., 96–97]. Преподавание здесь, как и во всех церковно-приходских школах, велось по программам, разработанным Синодом, и включало в себя Закон Божий, церковно-славянское чтение, русский язык,

правописание (диктовка, изложение), арифметику (устно и письменно), чистописание, сведения о явлениях природы, линейное черчение и рукоделие для девочек. Девочки учились 170 дней в году, а в теплое время года занимались огородничеством [32. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14. Л. 14, 90, 102; Д. 16. Л. 2].

В 1905 г. попечительница построила для школы новое здание – каменное, удобное, просторное, рассчитанное на 80 человек. Ввиду такого крупного пожертвования, «исключительного в жизни церковных школ», епархиальный совет представил А.И. Кузнецову «к высшей награде, какая возможна по закону лицам женского полу», с надеждой, что награждение послужит поощрением к обеспечению школы постоянным капиталом и она не пострадает от наследников вдовы [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 324. Л. 20, 33]. С 1908 г., когда школа стала 2-классной с 5-летним курсом (в программу добавились география, церковная и гражданская история), в ней уже обучались 116, а в 1914 г. – 215 воспитанниц, из-за чего многим приходилось отказываться в поступлении [Там же. Л. 78 об., 96–97].

Еще одним примером успешного существования женской школы может служить учрежденная приходским попечительством Пермская Рождество-Богородицкая одноклассная школа с профессиональным классом рукоделия. Почетным членом попечительства этой образцовой школы состоял обер-прокурор К.П. Победоносцев, возможно поэтому училищный совет при Св. Синоде выделил для ремонта школы 5 тыс. руб. и 1 тыс. руб. на ее содержание [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 563. Л. 19]. Это популярное в городе учебное учреждение заменило, по сути, для Перми Народный дом, где проводились народные чтения, концерты, учительские и певческие курсы [33. С. 81].

Сразу после издания *Правил* при женских монастырях открываются грамотно организованные женские и смешанные церковно-приходские школы [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 324. Л. 1, 21а; 34. Ф. 603. Оп. 1. Д. 688. Л. 1–304]. Стоит отметить, что начальные училища для девочек при женских монастырях Екатеринбургской и Пермской епархий были организованы задолго до 1884 г. С 1830-х гг. стали действовать девичьи училища при Кунгурском, Пермском и Екатеринбургском женских монастырях, из которых два последних были преобразованы в средние учебные заведения – епархиальные училища [34. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 101–102].

Известно, что в девичье училище Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря принимались девочки не младше 6 лет всех сословий, православные, единоверки и раскольницы, которые первые два года обучения посвящали изучению рукоделия, церковного пения, чистописания, Священной истории Ветхого завета, заучиванию молитв и символа веры. На 3-й год к этим предметам добавлялись домоводство, Священная история Нового завета, четыре действия арифметики, русская грамматика, общие понятия по географии, более подробные сведения о европейских государствах и

краткие сведения о народах, живших до Р.Х.; в 4-й год – рассказы о важных событиях вселенской и русской церкви, 2-я часть русской грамматики, арифметика о дробях, география России, рассказы о важных событиях в русском государстве. Девочкам-сиротам помогало попечительство о бедных, отпускавшее на каждую из них по 25 руб. серебром в год [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 677. Л. 1, 12а].

Интересно, что при Боголюбском женском монастыре Красноуфимского уезда помимо женской школы с 27 ученицами, обучением которых занималась рясофорная послушница, окончившая курс Уфимского епархиального училища, существовала еще школа живописи для девочек, которую настоятельница предлагала принять в ведение епархиального училищного совета, чтобы «за умеренные цены снабжать Пермскую епархию иконами правильного строго выдержанного стиля» [Там же. Д. 36. Л. 1–2]. К 1916 г. школы для приходящих детей при четырех монастырях губернии были введены в школьные сети с пособием учителям от казны [Там же. Д. 695. Л. 1].

К началу XX в. деятельность духовного ведомства по привлечению девочек в школы стала давать свои плоды. Их количество в Пермской губернии, по сравнению с 1895 г., увеличилось в 2,5 раза [1. С. 66–69; 35. С. 208–209]. Постепенно увеличивалось и число девочек, оканчивающих полный курс церковно-приходских школ. Также постепенно росло и число специальных женских школ. В одной только Екатеринбургской епархии в 1905 г. из 189 церковно-приходских женских школ было 31, а мужских – 15 [27. Ф. 42. Оп. 1. Д. 441. Л. 43]. Правда, увеличение это относилось только к одноклассным школам, чего нельзя было сказать о школах повышенного типа – двухклассных, которые были совершенной редкостью в уральских краях и куда из-за продолжительного курса крестьяне – основные потребители церковных школ – не могли поместить своих дочерей. К 1917 г. в губернии их осталось только две: Кунгурская и Верх-Язвинская в Соликамском уезде. Существоющая с 1894 г. Верх-Исетская под Екатеринбургом из-за недостатка учениц в 1905 г. была преобразована в мужскую [30. С. 586].

При всем активном развитии церковно-школьного строительства церковно-приходские школы Пермской губернии не могли охватить маленьких жителей заводских поселков, окраин городов и малолюдных деревень, находящихся вдали от села с церковью. Посещать церковно-приходские школы эти дети не могли за неимением теплой одежды и обуви, и все дни года оставались «на произвол самих себе». Поэтому самыми доступными для них оставались примитивные *школы грамоты*, также относящиеся к ведомству православного вероисповедания. Так, на окраине Екатеринбурга была открыта Казанско-Богородицкая школа грамоты для детей местных чернорабочих, целью которой было «занять ум праздных детей книжным учением, через школьные гуманные отношения приучить их к поря-

дочности и через занятия ремеслами развить в детях привычку к труду». Кроме уроков в школе девочки и мальчики выполняли несложные заказы для местных производств, а на устроенных грядках, клумбах и в парниках выращивали цветы, овощи и зелень. Заработанные таким образом средства шли на их содержание в школе [36. С. 691].

Как и церковно-приходские, к концу XIX в. школы грамоты распространились «с такою быстротою и успехом», что стали лидировать среди всех типов начальных учебных заведений [37. С. 231]. Например, на территории Верхотурского уезда в 1894/95 учебном году их насчитывалось почти в два раза больше, чем церковно-приходских [38. С. 143]. Тем не менее число учащихся девочек в этих школах было ниже, чем в церковно-приходских: из 5 571 всех учениц церковных школ Екатеринбургской епархии в школах грамоты обучались всего 1 818 человек. Большинство этих школ открывались для представителей обоего пола, но действовали и женские, количество которых в губернии было невелико, но превышало такие же мужские; например, в Чердынском уезде из всех церковных школ женскими являлись именно две школы грамоты [27. Ф. 42. Оп. 1. Д. 441. Л. 43, 49–50].

С течением времени большинство школ грамоты губернии стало мало чем отличаться от церковно-приходских: трехгодичное обучение проводилось по программам и учебникам для последних. По окончании курса воспитанники школ грамоты сдавали экзамены наряду с учениками одноклассных школ. Школы старого типа, «со стариком-грамотеем учителем», умеющим научить только молитвам, чтению и письму, почти исчезли и сохранились лишь в самых малолюдных поселках [39. С. 614]. По сути, школы грамоты тем и отличались от церковно-приходских, что имели меньшую материальную базу и меньшее количество учащихся, что было естественно, ибо они действовали главным образом в глухих местах и помещались в наемных квартирах [30. С. 573]. К концу рассматриваемого периода из-за неимения средств и малого количества учащихся, а также преобразования в повышенные типы церковных школ, число этих учебных заведений стремительно сократилось. В Пермской губернии осталось только 24 школы грамоты, из которых не было ни одной женской [40. С. 47–48].

Однако в 1895 г. для увеличения числа школ грамоты и повышения качества обучения в них как временную меру Синод учреждает *второклассные учительские школы*, получившие свое название от того, что являлись развитием второго класса двухклассных школ с присоединением к нему одногодичного учительского курса. Получить в них повышенное начальное образование (до среднего эти школы не дотягивали) и педагогическую подготовку девочки могли начиная с 13 лет [39. С. 620].

Данный тип школ, которых к 1908 г. действовало уже 426 (328 мужских и 98 женских), довольно щедро

поддерживался государством [41. С. 28]. Одной из этих школ была преобразованная из церковно-приходской в 1903 г. школа в Каслинском заводе. Глава торгового дома «Братья Злоказовы» подарил для нее двухэтажный дом, в верхнем этаже которого располагалась второклассная школа с поступившими в первый год 45 ученицами, а в нижнем – церковно-приходская школа с 129 девочками для практики будущих учительниц. Обучение здесь, как и во многих церковных школах, было бесплатным (плата 3 руб. в месяц взималась только за общежитие) и велось по специально разработанным программам для второклассных школ [30. С. 601; 42. С. 41–42]. Свидетельство об окончании курса давало право на допуск к экзаменам на звание учительницы земской школы [27. Ф. 695. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Кроме Каслинского завода эти учебные заведения находились при Мотовилихинском заводе Пермского уезда и в селе Юсьве Соликамского уезда для девочек-пермячек. Об открытии второклассной женской школы ходатайствовала и настоятельница Боголюбского женского монастыря. По словам настоятельницы, «эта школа давала бы учительниц школ грамоты, воспитанных в духе православной церкви, которые бы внесли более света Христова в женскую среду разных отдельных поселков», из живущих в монастыре девочек-инородок». Интересно, что Губернское земское собрание отзывчиво отнеслось к открытию женской школы и даже назначило ей субсидию, в то время как епархиальный училищный совет в ходатайстве отказал, подозревая, что настоятельница рассматривает ее открытие как средство к повышению доходности своей обители (монастырю вместе со школой отошел бы участок земли), «при котором школьные цели отходят на второй план» [Там же. Д. 370. Л. 1, 5].

Взрослые женщины и девочки-подростки, необученные грамоте в детстве, могли наверстать упущенное в церковных воскресных школах, где по воскресеньям и праздничным дням изъявили согласие преподавать учительницы местных земских училищ. Они взяли на себя занятия по русскому и церковно-славянскому языкам с обстоятельным переводом, чтению, русской истории, арифметике и географии, псаломщики местных церквей обучали пению, законоучители – Закону Божьему, истории церкви и богослужению. Предполагалось также пройти уроки трезвости и гигиены [Там же. Д. 390. Л. 21, 69, 73]. Воскресные школы, как и другие церковные, открывались с разрешения епархиального училищного совета (а при заводах и фабриках – с разрешения губернского начальства) и содержались за счет местных церковных средств и средств совета, отпускаявшего на каждое уездное отделение по 50 руб. на приобретение учебников и письменных принадлежностей [Там же. Л. 5, 46, 93]. Занятия в воскресных школах в первые полчаса после молитвы посвящались общей беседе по Закону Божию, затем слушатели разделялись для прохождения уроков по русскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии и письму.

Вечер заканчивался в общей аудитории лекциями по медицине, животноводству, агрономии и естествоведению по очереди. *Епархиальные ведомости* отмечали, что как средство обучения начальной грамоте подобные уроки оставляли желать лучшего, но как общеобразовательное средство имели большое значение для местного населения. Воскресный вечер, проведенный с учителями, на несколько дней давал ученикам богатый материал для семейных разговоров, «отвлекая от праздного и вредного времяпрепровождения, от пустых и нередко безнравственных разговоров и от губительного действия пивных и винных лавок» [42. С. 23–24].

Судя по отчетам о состоянии церковных школ, основными потребителями воскресных уроков были женщины губернии [32. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17. Л. 1]. Но, как и во всех начальных школах ведомства, полный курс воскресных школ оканчивало лишь незначительное число учениц [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 390. Л. 119 об.].

Женские воскресные школы открывались не только с просветительской, но и с миссионерской целью. В отчетах епархиальных училищных советов подчеркивалась необходимость открытия воскресных школ для взрослых девиц черемис и пермячек в таких многонациональных уездах, как Красноуфимский, где прихожане «слишком мало знают основные истины веры и нравоучения христианского, не знают символа веры, законов, употребительных молитв и т.д.» [Там же. Л. 79–80, 83–84]. В 1913 г. открылась женская воскресная школа для 11 девочек-пермячек разного возраста при Пешнигортском женском монастыре Соликамского уезда, в котором «женщины-матери – упорные оберегательницы язычества в семье, оторванные от христианского света, заглушают под тернием язычества то воспитание, которое дается их детям в стенах школы» [Там же. Л. 56].

Несмотря на громадное значение воскресной школы в деле просвещения, развитие данного типа церковных школ с течением времени не только не шло на повышение, но резко падало. Общее число воскресных школ к 1913 г. составило 36, но на деле функционировало всего 16 [Там же. Л. 94]. К 1916 г. воскресных школ в Пермской епархии осталось 9 (с 67 мужчинами и 296 женщинами). Эти учебные заведения не приживались по большей части потому, что желающих обучаться в них или совсем не оказывалось, или записывающиеся в них почти с первого же воскресенья «за недосугом» и другими семейными причинами не являлись на уроки и совсем переставали посещать школу. Надежды на помощь учителей земских школ также не оправдались, так как большинство последних, будучи утомлены шестидневными занятиями в своей школе, затруднялись брать на себя новое бремя занятий в единственный выходной, а при неаккуратном посещении уроков учениками это было бы напрасной тратой времени и сил. Однако главной причиной равнодушия к воскресным школам со стороны учителей местных училищ являлось отсутствие вознаграждения за труд

[27. Л. 95; Ф. 147. Оп. 1. Д. 695. Л. 3]. С 1913 г. учителя гражданских начальных училищ стали получать от уездных земств по 40–50 копеек за часовой урок в воскресенье, но это право не распространялось на церковно-приходские школы, что служило тормозом к тому, чтобы склонить учителей трудиться на открытых при них воскресных школах [Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 500. Л. 24–25].

Стоит отметить, что Пермская губерния принадлежала к числу тех губерний, где учительский труд в земских и министерских училищах оплачивался сравнительно хорошо (от 25 до 45 руб., как в Чердынском уезде). Поэтому и приток учительских сил – воспитанников учительских семинарий и гимназий – в эти училища всегда был значительный. Церковно-приходские школы, располагающие весьма скромными средствами (могли вознаграждать преподавателей по 20–25 руб. в месяц), находились в незавидном положении, вынужденные пополнять ряды своих учителей, а чаще учительниц, из тех, кто почему-либо не успел или не смог по своему образовательному цензу попасть на службу в земские и министерские училища. Как правило, это были люди с незаконченным в светских заведениях образованием, не проникнутые той религиозно-нравственной настроенностью, которая должна быть в учителях церковной школы. Результаты такого обучения были очевидны. Даже школы грамоты находились в более выигранном положении, так как в них преподавали лица, окончившие двухклассные училища. Из 549 учителей церковно-приходских школ Пермской епархии к 1905 г. 333 составляли лица с низшим образованием, 8 – с домашним обучением, 103 окончили прогимназии, 46 не окончили курс в средних учебных заведениях. Таким образом, весьма значительный процент преподавателей не удовлетворял даже самым скромным требованиям, обычно предъявляемым к учителю всякой начальной школы. При этом большинство учительниц восполняли пробелы в образовании добросовестным и усердным ведением дела, предпринимая усилия, направленные к повышению своего педагогического уровня (курсы и пр.) [Там же. Д. 333. Л. 20, 41].

По мере роста числа церковно-приходских школ и предъявления к ним повышенных требований со стороны общества епархиальными училищными советами губернии стал подниматься вопрос об учреждении полноценного педагогического учебного заведения повышенного типа – *церковно-учительской школы*, предназначенного для подготовки «учителей и учительниц для начальных училищ всех разрядов». При этом подчеркивалось, что школа должна быть именно женской, так как «женщины по своим нравственным качествам являются более желательными кандидатками на должность учительниц церковно-приходских школ». Для обеих епархий решено было открыть школу в Кунгуре в 1904 г. [Там же. Л. 25]. В церковно-учительские школы сроком на три года принимались дети от 15 до 17 лет, окончившие учебное заведение,

курса которого был не ниже второклассной школы. В России к 1915 г. существовало 20 учительских школ, среди которых Кунгурская школа не значится [43. С. 210–211]. Ее проект так и остался на бумаге.

Уральское духовенство признавало, что общество, не уяснившее еще себе назначение этих школ, продолжает недоверчиво относиться к ним «по одному тому, что в ней занимаются лица, не имеющие нравственно-юридического права братья за такое великое и важное дело, как образование и воспитание народной массы» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 333. Л. 43, 50].

Предпринимаемые духовным ведомством меры по увеличению числа женских школ не давали результата прежде всего из-за недостатка местного финансирования. Так, церковные школы Красноуфимского уезда в 1905 г. содержались за счет сумм, поступающих от церкви (950 руб.), земства (2 482 руб.), города (60 руб.), волостных и сельских обществ (498 руб.), от Синодального училищного совета (1 600 руб.), Епархиального училищного совета (18 914 руб.). Вместе с поступлениями от фабрик, заводов, частных лиц и приходских попечительств получалась сумма всего в 25 162 руб. [Там же. Д. 441. Л. 45а]. Не имело средств для открытия новых школ и Соликамское отделение Епархиального училищного совета [27. Ф. 695. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Средства епархии шли преимущественно на содержание духовных заведений, а на долю школ уделялось сравнительно немного. Пособия же от земства урезались год от года. Активно расширяя в губернии сеть начальных образовательных учреждений, представители земства, не расположенные к церковной школе, доказывали крестьянам преимущества обучения в земской школе, «которая ничего от них не потребует». Под влиянием агитации, чтобы только не помогать церковным школам, крестьяне нередко «составляли приговоры» о передаче их земству [44. С. 33–34].

В связи с этим протоирей В. Виноградов с горечью указывал на существующую «несообразность»: «...население, пользующееся церковными школами и платящее такие же налоги на просвещение, как и все остальные земские плательщики, получает от земства из этих налогов на свои нужды ничего или очень мало. Церковные школы, казалось бы, должны быть на первом месте в нашем государстве в ряду других школ, но недостаток средств и отрицательное отношение к ним в известной части общества, старающегося насаждать безрелигиозное воспитание и обучение народа, поставили церковные школы в тяжелое положение. Враги церкви торжествуют. <...> Народ развращается...» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 695. Л. 4].

Религиозное воспитание учащихся, так раздражающее светскую интеллигенцию, являлось краеугольным камнем «школ-молелен» (как пренебрежительно называли церковные школы) [45. С. 6]. В отличие от светских учебных заведений, церковная школа являлась каналом воцерковления детей, что, по мнению

С.А. Рачинского, было особенно важно для женской ее половины («девочка, не учащаяся в школе, – у нас и в церкви никогда не бывает») [25. С. 12]. Выработать в детях церковно-религиозный взгляд на нравственный смысл человеческой жизни, воспитать в них твердый характер, ряд добрых навыков в последующей жизни и предохраниться от дурного влияния среды – все это составляло главную задачу церковной школы. Главным же средством для возвышения духа в детях полагалось сознательное участие в церковном богослужении и церковное пение, «воспитательное действие коего в особенности благотельно и простирается не только на детей, но чрез них на родителей и на всю деревню». В воскресенье, праздничные и торжественные дни ученицы обязательно присутствовали при богослужениях, некоторые пели на клиросе. Пение девочек в храмах «упрочивало» судьбу школ: пожертвования на них заметно увеличивались. Кроме того, взрослым через учеников передавались приобретаемые в школе привычки к порядку, чистоте и опрятности. Влияние церковной школы усиливалось там, где при школах существовали общежития. В них дети, проводя целый год под надзором учителей, находились вдали от домашней обстановки, «где подвергались губельному воздействию взрослых, особенно на семейных праздниках, сопровождающихся пирушками и непристойными увеселениями» [1. С. 239–240; 23. С. 379].

Школьный день в церковной школе начинался в 8 часов утренними молитвами, указанными в учебном часослове. В школах при монастырях этому уделялось еще большее внимание. Надзирательницы должны были наблюдать, чтобы всякое занятие начиналось и оканчивалось «благоговейным призыванием имени бога». Кроме того, они следили, чтобы между ученицами не было ссор, нескромного смеха, празднословия, неприличной резвости и игр. Обходиться с девочками рекомендовалось как «благоразумным родителям с детьми: без холодности и строптивости, а тем более без жестокости, убивающих в душах питомцев нежное расположение и доверенность их к воспитателям» [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 677. Л. 10]. Стоит отметить, что современники нередко отмечали далеко не гуманное обращение с учениками в церковных школах, где телесные наказания «считались мерами самими обычными и без них не выучивался ни один урок» [46. С. 42–61]. В епархиальных отчетах по церковным школам постоянно отмечалось, что телесные наказания в школах были запрещены, а в основу дисциплинарных отношений учителя «полагали любовь к детям, признание и развитие в них чувства человеческого достоинства», стараясь быть со всеми «одинаково справедливыми, требовательными, строгими, но вместе и гуманными». Правда, против резвых шалунов принимались меры, но они состояли в замечаниях, «стоянии на ногах» за партой, оставлении в школе для приготовления невыученных уроков, и только в редких случаях родителям сообщалось о поступке ученика. Те из учителей, как законо-

учитель Березовской женской школы Екатеринбургского уезда А. Борчанинов, которые решались применить меры, «не соответствующие воспитательному строю церковной школы», отстранялись от должности [30. С. 577; 42. С. 19–20].

Церковная пресса отмечала, что педагоги и попечители школ старались заботиться о своих воспитанницах, для которых домашняя обстановка «не только не весела, но и плачевна, а праздники являются неосуществимой мечтой, которую они не надеются увидеть под кровом родительского дома». В большие праздничные дни и рождественские каникулы некоторые учителя устраивали в своих школах литературно-вокальные вечера, прогулки с образовательной целью на заводы, в лес, на вокзал или в синематограф. В некоторых школах находились средства на устройство елок с фейерверками и раздачей гостинцев. На Рождество ученицам дарили не только сласти, но и подарки, которые принесли бы пользу: картины нравственного содержания, главным образом против пьянства, календари, пеналы и даже ситец, мясо и муку.

В программу детских вечеров входило исполнение детских пьес, народных песен, басен Н.А. Крылова, стихов Н.А. Некрасова и других поэтов. По отзывам экзаменаторов, в тех школах, где были устроены елки «с литературным отделом», дети проходили испытания намного лучше, чем в тех школах, где не было вечеров. Проводя такие мероприятия, духовенство надеялось, что народ, видя теплое участие школы в деле воспитания детей, не будет верить «тем клеветническим нападкам, которыми стараются очернить церковную школу ее недоброжелатели» [42. С. 22, 51–53, 82–84].

Школьный наблюдатель А. Обтемперанский в отчете за 1911/12 учебный год писал, что «воспитательное влияние церковной школы велико не только на детей, но и на взрослую массу населения, и она пользуется искренними симпатиями со стороны населения, еще не утратившего под влиянием веяний со стороны страх Божий. Особенно расположено к ней женское население края, смотрящее на школу как учреждение близкое к храму и религиозно-воспитательное. <...> Если бы народ смотрел на церковную школу только как на заведение, где учат грамоте, то он не вел бы детей, особенно девочек, в нашу школу» [Там же. С. 48].

С течением времени церковная школа перестала уступать светской и в учебном отношении. Программы церковно-приходских школ постепенно сближались с программами министерско-земских, отличие от которых состояло «единственно в том, что в школах церковно-приходских детей приучают любить церковь, знать и понимать ее богослужебный славянский язык и принимать деятельное участие в церковном богослужении» [47. С. 722–723]. Степень умственного развития учениц церковно-приходских и земских школ была одинакова, что показывало как совместное производство выпускных экзаменов в 1913 г., так и то обстоя-

тельство, что девочки из церковных школ поступали в гимназии, где всегда был высокий конкурс [48. С. 49].

Тем не менее скудость средств не позволила уральскому духовенству перехватить инициативу в создании женских школ и привлечении девочек в свои школы, число которых не шло ни в какое сравнение с числом начальных школ, подведомственных Министерству народного просвещения (17 против 101 в 1912 г.) [49. С. 256]. Число девочек в 714 церковных школах Пермской губернии составило 14 725 человек [27. Ф. 147. Оп. 1. Д. 695. Л. 1; 40. С. 48–49], в то вре-

мя как во всех светских начальных школах (2 716) обучались 66 607 девочек (подсчитано по: [50. С. 46–49]). Эта ситуация свидетельствовала о том, что в губернии формировалась светская система образования, которая могла бы в будущем решить задачу всеобщей грамотности населения [51. С. 317]. Тем не менее, не получив распространения в регионе, где начальное образование оказалось в руках активного земства, церковные школы за годы своего существования дали образование значительной части женщин Пермской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. 1899. СПб., 1899. XI, 279, 83 с.
2. Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. СПб., 1910.
3. Сахаров И.П. Ненормальное состояние современной церковно-приходской школы и попытка учащихся раскрепоститься. М., 1906.
4. Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М., 1980.
5. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958.
6. Грекулов Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962.
7. Исхакова Р.Р. Создание церковно-приходских школ России в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба. Казань. 2002.
8. Монякова О.А. Русская Православная церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно-образовательного пространства российской провинции в 1861–1917 гг. на материалах губерний Верхнего Поволжья : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2014. 481 с.
9. Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
10. Васильева С.П. Женское образование в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 210 с.
11. Федина И.М. Становление и эволюция светского и православного женского образования в Кубано-Черноморье: досоветский период : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. 216 с.
12. Ефремова У.П. Церковно-приходские школы Урала в 1884–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 308 с.
13. Мангилева А.В. Церковно-приходские школы Екатеринбургской епархии в 1894 г. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 150–157.
14. Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2005.
15. Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.
16. Ванчаков А.М. Заметки о начальной школе. Ввиду проекта закона о всеобщем обучении. СПб., 1908.
17. Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. 400, [1] с.
18. Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ). 1868. № 35. 28 авг. Отд. неофиц.
19. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886. XI, 361, 111 с.
20. ПЕВ. 1899. № 11. 1 июля. Отд. неофиц.
21. Съезд деятелей церковно-приходских школ в Киеве // Русская школа. 1894. № 7–8 (июль–август).
22. ПЕВ. 1895. № 19. 1 окт. Отд. офиц.
23. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 гг. 1895. XV, 601, 157 с.
24. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. СПб., 1898. XIV, 427, 159 с.
25. Рачинский С.А. Сельская школа : сб. ст. М., 1891. 217 с.
26. Екатеринбургские епархиальные ведомости (ЕЕВ). 1913. № 5. 3 фев.
27. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
28. Новиков А.И. Записки о сельской школе. СПб., 1902. С. 71.
29. ПЕВ. 1899. № 9–10. 1–16 мая. Отд. офиц.
30. ЕЕВ. 1905. № 24. 16 дек. Отд. офиц.
31. ЕЕВ. 1905. № 5. 1 марта. Отд. офиц.
32. Кунгурский городской архив (КГА).
33. ПЕВ. 1896. № 4–5. 15 февраля – 1 марта. Отд. неофиц.
34. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
35. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 годы. СПб., 1910. XII. 304, 268 с.
36. Сведения о градо-Екатеринбургской Казанско-Богородицкой школы грамоты // Екатеринбургская неделя. 1894. № 34. С. 691.
37. По России // Екатеринбургская неделя. 1894. № 11.
38. Сафронов А.А. Школы и грамотность населения Верхотурского уезда Пермской губернии в конце XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 130–149.
39. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. XVII, 663, 266 с.
40. Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии за 1917 год. Пермь, 1917. 894 с.
41. Церковные школы Российской империи к 1 января 1908 : стат. сведения. СПб., 1909. 409 с.
42. ЕЕВ. 1913. № 10. 10 марта. Отд. офиц.

43. Положение о церковных школах Православного вероисповедания [№ 21290] // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб., 1904. Т. XXII. Отд. 1-е.
44. ЕЕВ. 1913. № 8. 24 фев. Отд. офиц.
45. Какая школа нужна народу // Пермская земская неделя. 1907. № 34. С. 6.
46. Попов В. Народное образование в Шадринском уезде, Пермской губернии, до открытия в ней земских учреждений (к истории народного образования в России // Русская школа. 1892. № 5–6. С. 42–61.
47. ЕЕВ. 1905. № 21. 1 нояб. Отд. неоф.
48. ЕЕВ. 1913. № 11. 17 марта. Отд. офиц.
49. Вестник Оренбургского учебного округа (Уфа). 1913. № 5.
50. Обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1916. 133, 54, [2] с.
51. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012. 472 с.

Arhangelskaya Larissa V. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). E-mail: arhangellar@gmail.com

WOMEN ELEMENTARY EDUCATION AT SCHOOLS IN THE PERM PROVINCE DEPARTMENT OF RELIGIOUS AFFAIRS IN THE LATTER HALF OF THE XIXTH – EARLY XXTH CENTURIES.

Keywords: women's education; Perm province; church schools; students; primary schools of spiritual department.

In the latter half of the 19th century Russia faced a major problem: women's education and the solution to this so-called "women problem." The Russian Orthodox Church traditionally had a powerful influence on public opinion forming. In fact, the Church had a Department of Religious Affairs that ran a network of schools. However, the Church could not overlook the "women problem", the education of women. In this regard, the aim of this article is to cover the role of elementary church schools in the system of women's pre-revolution education in the Perm province. The research reveals the reasons why the clergy, which was usually morally conservative, was interested in developing women's education. The article highlights that the opening of Orthodox Church special women schools attracted the young women of Perm. The author refers to the Ural city records, the Perm province church schools' reports published in the religious press, and statistic reports of the Holy Synod Attorney-General. These documents reveal the situation of the church schools including the number of schools and pupils in different periods. The article refutes a statement about bad education and person suppressed educational-bringing-up process at church schools. The article states that the study process at church schools had been evolving over the course of time, and these schools were on par with secular ones in educational level. However, unsolved staff problems and the low level of pupils' education did not boost the church's schools popularity. The author reveals factors that weakened the clergy action in the sphere of women education expansion in the Perm province. There were such factors as insufficient financing of the schools and work of local district council, which boosted the network of its schools. Based on the presented facts, the author concludes that the great bulk of the province women studied in secular elementary schools, and its quantity exceeded the number of church schools several times. In spite of this fact, the church schools played an important role in women's education in the province of Perm.

REFERENCES

1. Holy Synod. (1899) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1896 i 1897 gody* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1896 and 1897]. St. Petersburg: Sinod. tip.
2. Speranskiy, N. (1910) *Bor'ba za shkolu. Iz proshlogo i nastoyashchego na Zapade i v Rossii* [The struggle for school. From the past and present in the West and Russia]. St. Petersburg: M. i S. Sabashnikovy.
3. Sakharov, I.P. (1906) *Nenormal'noe sostoyanie sovremennoy tserkovno-prikhodskoy shkoly i popytka uchashchikhsya raskrepostit'sya* [The abnormal condition of the modern parochial school and the attempt of the students to be liberated]. Moscow: [s.n.].
4. Fedosova, E.P. (1980) *Bestuzhevskie kursy – pervyy zhenskiy universitet v Rossii (1878–1918 gg.)* [The Bestuzhev Courses – the first women's university in Russia (1878–1918)]. Moscow: Pedagogika.
5. Persits, M.M. (1958) *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi v SSSR* [The separation of church from the state and school from church in the USSR]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
6. Grekulov, E.F. (1962) *Pravoslavnaya tserkov' – vrag prosveshcheniya* [The Orthodox Church as the enemy of Enlightenment]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
7. Iskhakova, P.P. (2002) *Sozdanie tserkovno-prikhodskikh shkol Rossii v 1880-kh gg.: politicheskiy kurs i ideynaya bor'ba* [The creation of the parochial schools of Russia in the 1880s: The political course and ideological struggle]. Kazan: Novoe Znanie.
8. Monyakova, O.A. (2014) *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i zemstvo: opyt vzaimootnosheniy po formirovaniyu kul'turno-obrazovatel'nogo prostanstva rossiyской provintsii v 1861–1917 gg. na materialakh guberniy Verkhnego Povolzh'ya* [Russian Orthodox Church and Zemstvo: The relationship in the formation of the cultural and educational space of the Russian province in 1861–1917. A case study of Upper Volga region]. History Dr. Diss. Ivanovo.
9. Krutitskaya, E.V. (2004) *Tserkovno-prikhodskie shkoly Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Parochial schools of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
10. Vasilieva, S.P. (2011) *Zhenskoe obrazovanie v Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Women's education in Tambov province in the second half of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Tambov.
11. Fedina, I.M. (2008) *Stanovlenie i evolyutsiya svetskogo i pravoslavnogo zhenskogo obrazovaniya v Kubano-Chernomor'e: dosovetskiy period* [Formation and evolution of secular and Orthodox women's education in Kuban-Black Sea region: Pre-Soviet times]. History Cand. Diss. Krasnodar.
12. Efremova, U.P. (2013) *Tserkovno-prikhodskie shkoly Urala v 1884–1917 gg.* [Parochial schools of the Urals in 1884–1917]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
13. Mangileva, A.V. (2003) *Tserkovno-prikhodskie shkoly Ekaterinburgskoy eparkhii v 1894g.* [Parochial schools of Ekaterinburg Diocese in 1894]. In: Pochinskaya, I.V. (ed.) *Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya* [The Urals collection. History. Culture. Religion]. Vol. 5. Ekaterinburg: Urals State University. pp. 150–157.
14. Safronova, A.M. (2005) *Sel'skaya shkola na Urale v XVIII–XIX vv. i rasprostranenie gramotnosti sredi krest'yan* [Village schools in the Urals in the 18th – 19th centuries and the spread of literacy among peasants]. Ekaterinburg: [s.n.].
15. Katkov, M.N. (2009) *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of protectionism]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
16. Vanchakov, A.M. (1908) *Zametki o nachal'noy shkole. V vidu proekta zakona o vseobshchem obuchenii* [Notes on the elementary school. In view of the draft law on universal education]. St. Petersburg: [s.n.].

17. Shishonko, V.N. (1879) *Materialy dlya opisaniya razvitiya narodnogo obrazovaniya v Permskoy gubernii s ukazaniem vremeni otkrytiya uchebnykh zavedeniy* [Materials for describing the development of public education in Perm province with an indication of the establishment year of educational institutions]. Ekaterinburg: A.P. Mernaya i E.K. Kraeva.
18. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1868) 28th August.
19. Holy Synod. (1886) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1884]. St. Petersburg: Sinod. tip.
20. *Permskie eparkhial'nye vedomosti (PEV)*. (1899) 1st July.
21. Anon. (1894) *S"ezd deyateley tserkovno-prikhodskikh shkol v Kieve* [The Congress of Representatives of Parochial Schools in Kiev]. *Russkaya shkola*. 7–8.
22. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1895) 1st October.
23. Holy Synod. (1895) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gg.* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1892 and 1893]. St. Petersburg: Sinod. tip.
24. Holy Synod. (1898) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1894 i 1895 gg.* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1894 and 1895]. St. Petersburg: Sinod. tip.
25. Rachinskiy, S.A. (1891) *Sel'skaya shkola* [Village School]. Moscow: [s.n.].
26. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 3rd February.
27. The State Archives of Perm Krai (GAPK). (In Russian).
28. Novikov, A.I. (1902) *Zapiski o sel'skoy shkole* [Notes on village school]. St. Petersburg: [s.n.].
29. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1899) 1st–16th May.
30. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905a). 16th December.
31. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905b). 1st March.
32. Kungur City Archive (KGA). (In Russian).
33. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. (1896) 15th February.
34. The State Archives of Sverdlovsk Region (GASO). (In Russian).
35. Holy Synod. (1910) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda za 1905–1907 gody* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod for 1905–1907]. St. Petersburg: Sinod. tip.
36. Anon. (1894) *Svedeniya o grado-Ekaterinburgskoy Kazansko-Bogoroditskoy shkoly gramoty* [Information about the Grado-Ekaterinburg Kazan-Bogoroditskaya School of Literacy]. *Ekaterinburgskaya nedelya*. 34. pp. 691.
37. Anon. (1894) *Po Rossii* [In Russia]. *Ekaterinburgskaya nedelya*. 11.
38. Safronov, A.A. (2005) *Shkoly i gramotnost' naseleniya Verkhoturuskogo uyezda Permskoy gubernii v kontse XIX v.* [Schools and literacy of the population of Verkhoturusk district of Perm province in the late 19th century]. In: Mazur, L.N. (ed.) *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Vol. 5. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 130–149.
39. Holy Synod. (1911) *Vsepoddanneyshiy otchet Ober-prokurora Svyateyshego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gody* [Most devoted report of the Attorney-General of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Office of the Orthodox Confession for 1908–1909]. St. Petersburg: Sinod. tip.
40. Ivanov, N.A. (ed.) (1917) *Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Permskoy gubernii za 1917 god* [Calendar and reference book of Perm province for 1917]. Perm: Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya.
41. Committee for Statistics. (1909) *Tserkovnye shkoly Rossiyskoy imperii k 1 yanvarya 1908: statisticheskie svedeniya* [Parochial schools of the Russian Empire by January 1, 1908: Statistics. St. Petersburg: [s.n.].
42. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 10th March.
43. Russia. (1904) *Polozhenie o tserkovnykh shkolakh Pravoslavnogo veroispovedaniya* [№ 21290] [The Statute of Orthodox Church Schools [No. 21290]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
44. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 24th February.
45. Anon. (1907) *Kakaya shkola nuzhna narodu* [What school people need]. *Permskaya zemskaya nedelya*. 34. pp. 6.
46. Popov, V. (1892) *Narodnoe obrazovanie v Shadrinskom uезде, Permskoy gubernii, do otkrytiya v ney zemskikh uchrezhdeniy* (K istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii [Public education in Shadrinsky district, Perm province, before the opening of Zemstvo institutions. (On the history of public education in Russia)]. *Russkaya shkola*. 5–6. pp. 42–61.
47. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905) 1st November.
48. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913). 17th March.
49. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. (1913) 5.
50. Anon. (1916) *Obzor Permskoy gubernii za 1915 god* [Perm province in 1915]. Perm: [s.n.].
51. Mazur, L.N. (2012) *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Russian village under urbanization: Regional perspective (The second half of the 19th – 20th centuries)]. Ekaterinburg: Ural State University.